

А в одном из двух стихотворений о поэзии (из тетради «Златые горы»), объединенных авторской оценкой: «...из моих самых любимых», — в стихотворении «У крыльца» получила развитие заветная тема «несжатой полосы». Здесь новой жизнью живет классический образ поэта-пахаря, поэта-селятеля «доброго, вечного»:

У крыльца к моей бумаге
Тянут шеи длинные
Вопросительные знаки —
Головы гусиные...
Я и сам считаю пищей,
Что туда накрошено...

То, что люди называли
Просто — добрым семенем,
Смело сеяли и ждали
Урожай со временем.

Если припомнить кстати, что этот некрасовский образ красной нити прошел и через классику Серебряного века (А. Ахматова, Н. Гумилев, М. Цветаева и др.), то станет очевидным, в русле каких сложившихся традиций и развивающихся тенденций сформировалось и возвращается к нам сегодня творчество талантливого поэта-земляка Варлама Шаламова.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Б а р к о в а А н н а . Избранное: Из гулаговского архива. Иваново, 1992.
2. Т а г а н о в Леонид. «Прости мою ночную душу...»: Книга об Анне Барковой. Иваново, 1993.
3. Ш а л а м о в В. Колымские тетради. М., 1994. Стихи Шаламова цитируются по этому изданию с указанием в скобках раздела («тетради») сборника.

М. А. Вавилова

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ФОЛЬКЛОРНОГО АРХИВА (Сказочная коллекция М. Б. Едемского)

Михаил Борисович Едемский (1870-1933), уроженец Кокшеньги Тотемского уезда Вологодской губернии, крестьянин по происхождению, учитель и геолог-палеонтолог по образованию, этнограф и фольклорист по призванию, с 1893 года, времени первой публикации в «Живой старине», в продолжение всей своей жизни собирал фольклор родного края. В отличие от приезжих собирателей, записывал фольклор в процессе его естественного бытования. Длительность наблюдений (35-40 лет), один регион (Кокшеньга)

га), постоянный круг информантов позволили М. Б. Едемскому зафиксировать почти полувековой слой фольклорной культуры, в котором отразились процессы эволюции народных традиций, их роль в крестьянском быту, механизм воспроизведения фольклора, процессы урбанизации крестьянского быта и, как следствие, появление новых, нетрадиционных форм народного творчества. Как и многие краеведы, Едемский идеализировал крестьянскую общину. Крестьянская жизнь представлялась ему единым заинтересованным обрядом, в котором не было ничего лишнего. Это определяло тот широкий этнографический контекст, в котором одинаково важны были для собирателя и песни, и сказки, и типы народных построек, и история края, и обрядовое и праздничное пивоварение, и многое другое. Знание народного языка, быта, народной среды сделали из Едемского, по верному замечанию академика С. Ф. Ольденбурга, «превосходного собирателя и записывателя» [1], свободно проникающего в народную творческую лабораторию.

М. Б. Едемский не был теоретиком, он был описывателем, но изучение его печатных и архивных материалов дает возможность воссоздать логику его наблюдений, которой он следовал в практической работе.

Систему фольклорно-этнографических взглядов М. Б. Едемского и методику его работы можно убедительно показать на записях сказок, которые преобладают в коллекции М. Б. Едемского. В течение полувека менялись и взгляды, и методика работы, и, по-видимому, научные выводы, которые мы делаем за Едемского.

Отчетливо выделяются три этапа в его эволюции. На первом этапе, до 1917 года, методология и методика его собирательской деятельности целиком определялись позициями «Живой старины», ориентирующей на запись «старинных», еще не исчезнувших из народной памяти и бытования сказок. Едемский записывает сказки выборочно, от лучших исполнителей, у которых «чувствуется преданность эпическому тону» [2].

В «Живой старине», посвященной братьям Гримм, опубликованы его «Семнадцать сказок Тотемского уезда», записанные в 1905-1908 годах. Четырнадцать сказок записаны от одного информатора — крестьянина 70 лет Михаила Дмитриевича Третьякова. Три других сказки помещены для сравнения. По мнению М. Б. Едемского, они «испорчены соединением многих сюжетов в один рассказ» [3]. Рукопись сказок Мины Шабуниной (1914-1916 гг.) была подготовлена М. Б. Едемским к изданию как очередной выпуск вологодских сказок, но, к сожалению, затерялась и была обнаружена только в 1929 году [4]. Мина Шабунин — сказочник из Тотемского уезда с прекрасным «волшебным» репертуаром, сказки записаны с соблюдением диалектных особенностей речи и вполне соответствуют представлениям собирателя о «старинной» сказке.

На поиск «старинной» сказки ориентирует М. Б. Едемский и своих корреспондентов. В 1914 году он получает 19 сказок от Х. А. Шерстеневской. Рукопись отвечает всем предъявленным требованиям — образцовая запись с соблюдением диалектных особенностей, «старинные» сказки, хорошие рассказчики. Большинство сказок принадлежит одному сказочнику — В. Г. Овсянникову [5]. Информаторами М. Б. Едемского в этот период выступают в основном люди преклонного возраста: А. М. Двойнишникова 92 лет,

М. Г. Бритвина 76 лет, Ф. В. Шалаевский 60 лет и другие, по словам собирателя, «истинные сказочники». Биографических зарисовок Едемский, как правило, не делает, ограничиваясь лишь несколькими штрихами. О М. Г. Бритвиной: «Крестьянка. Свого хлеба достает на год. Лет ей 76. Неграмотна. Живет постоянно дома» [6]. О Ф. В. Шалаевском: «Сказки свои считает бывальщиками и рассказывает их далеко не каждому, боясь, чтоб его сказки не извратили и не переделывали. Он считает себя хорошим сказочником и нередко говорит о своих сказках с большой похвальбой: «Таких сказок мало кто нынче знает» [7].

М. Б. Едемский сознательно не записывает сказки, которые «по содержанию и по манере» были недостаточно старыми. Он разделяет сказочников на две группы: первая — «старики и старухи, которые любят старые назидательные сказки, передают их без вольностей, не нарушают канонов»; вторая — «сказочники-балагуры», которых М. Б. Едемский активно не любит за то, что они комментируют сказку, сравнивают сказочные эпизоды с событиями окружающей жизни [8], разрушают традиции. Процесс угасания и распада народных традиций М. Б. Едемский связывает с движением цивилизации. Во время поездки в Олонецкую губернию, проезжая по Марийской системе, он обнаруживает в районе канала полный распад сказочной традиции. «Здесь сказку не знают. У нас этим не занимаются», — цитирует он ответ собеседника-крестьянина. «Сказку «Лопоток» никто не мог окончить», — замечает с горечью М. Б. Едемский. Поэтому «нужно искать, что сохранилось от старины, нужно спешить, так как перемены в укладе жизни народной приводят к утрате старины!» [8].

И Едемский спешит. Он привлекает к собирательской работе большой круг корреспондентов: сельских учителей, учеников гимназии, грамотных крестьян, своих многочисленных родственников. Один из них, А. В. Едемский, пишет собирателю: «Извините, Михайла Борисович, ошибок много. Царь — Горюн, а не Голин, ошибка моя. Я не дочюв. Мало писал — то торопился, в простые дни не удавалось, недосуг, в праздники отдохнуть охота. Посылаю Вам три сказки, в прошлый раз три посыпал с Вашим крестником» [9].

Подводя итог собирательской работе М. Б. Едемского в этот период, можно утверждать, что у него в руках была большая коллекция сказок, которые предположительно он хотел издать выпусками, сосредоточив комментарии в последнем. В 1905–1908 годах записано 17 сказок, в 1913 — 3, в 1914 — 25, в 1915 — 3, в 1917–1918 — 28. Итого 80 сказок. Все это дало полное основание С. Ф. Ольденбургу, председателю Сказочной комиссии, заявить: «Готовы к печати, но не могут теперь же по недостатку средств быть изданы следующие сборники великорусских сказок: вологодских — М. Б. Едемского, тамбовских — Н. Ф. Познанского, псковских — Н. Г. Козырева» [10, с. 34].

Период с 1919 по 1923 годы в фольклорно-этнографическом плане был малопродуктивен по количеству записанного материала, но интересен в плане новых подходов к собирательской работе и осмыслению собранного фольклорного материала. Это были трудные годы в жизни М. Б. Едемского. Помимо трудного материального положения, нездоровья, безработицы, он испытывал постоянное раздвоение: его влечет и геология, и краеведение. Он

еще продолжает активно работать в РГО, составляет предметный указатель к сказкам А. М. Смирнова [11], но в то же время дважды в год участвует в геологических экспедициях на Севере. До 1921 года записей сказок в архиве нет. После экспедиции от государственной академии материальной культуры с этнографическими целями в Новгородскую, Рыбинскую и Псковскую губернии в 1921 году в архиве появляются полевые записи сказок: из Новгородской губернии — 5, из Рыбинской — 55, из Псковской — 3. От некоторых информаторов сказки записаны не до конца, а лишь указан репертуар. Любопытно, что сказочник с большим репертуаром — 26 «старинных» сказок — не привлек внимания Едемского.

Небрежность в работе не характерна для Едемского. Обычно все записанное он сразу же обрабатывал, готовя к печати. Остается предположить, что Едемский или был ограничен во времени, или его не особенно интересовал этот регион, или сказочник с большим репертуаром был сказочником-книжником («Еруслан Лазаревич», «Бова королевич», «Аленъкий цветочек», «Как мужик поймал золотую рыбку в море» и др.).

Но есть и другие наблюдения. При прочтении архива этих лет обращает на себя внимание новая методика работы: Едемский переходит к безвыборочной записи, которая позволяет представить сказочный репертуар региона не в лучших образцах, а в полном объеме, что дает возможность сделать выводы о дальнейших тенденциях его развития. Отсюда и интерес к рядовому сказочнику, информатору с небольшим репертуаром, к информаторам разного возраста: это Ваня Субботин 12 лет, Михаил Бишуев 16 лет, Михаил Ведюков 18 лет, Михаил Молодцов 20 лет, К. Малюков 77 лет, А. Денисов 75 лет, слепой В. Г. Трушкин 66 лет и др. [12].

За этот период записано 63 сказки, но записи конспективны, не переписаны, к публикации не готовы.

Третий период собирания сказок можно датировать 1924–1933 годами. Едемский продолжает работать на два фронта. Ежегодно он бывает в геологических экспедициях, пишет и публикует около 80 работ по геологии, среди которых: «Атлас руководящих ископаемых» (Л., 1932), «Полезные ископаемые северного края» (М.; Л., 1932), «Геология и полезные ископаемые северного края» (Архангельск, 1934) и др.

30 мая 1924 года возобновляет работу «Сказочная комиссия», и М. Б. Едемский принимает в ее работе активное участие, присутствует на всех ее заседаниях. В работе «Сказочной комиссии» 1924–1927 годов, помимо старых ее членов периода 1913–1916 годов (С. Ф. Ольденбург, П. К. Симони, Д. К. Зеленин, В. И. Чернышев, М. Б. Едемский), начинают сотрудничать молодые и талантливые этнографы и фольклористы: В. Я. Пропп, А. И. Никифоров, Д. А. Золотарев, О. И. Капица, Н. М. Элиаш, М. М. Серова — всего около 30 человек, которых интересует не только процесс накопления материала, но и его теоретическое осмысление. М. Б. Едемский, судя по протоколам этой группы, на заседаниях присутствует, но в обсуждениях теоретических вопросов участия не принимает. Он остается полевым работником, а в теории — на уровне любителя, хотя в научной интуиции ему трудно отказать. В практической работе он выходит на принципиально новый путь: начинает записывать сказки в семье, стремясь охватить все ее

поколения. Интуитивно он подходит к теоретической проблеме воспроизведения фольклорных традиций, которая, кстати сказать, не решена до сих пор, потому что методология собирательской работы практически отсутствует. «Семейным сказочникам», а это «каждая мать или отец», «бабушка или дедушка», он уделяет все свое внимание и настоятельно убеждает своих корреспондентов: «Эта категория рассказчиков должна быть учтена в первую очередь» [13]. Свою идею он реализует в огромной семье Едемских. В семье брата, Сергея Борисовича Едемского, он записал 22 сказки: от детей, Паши и Поликсены (2), от своей матери Анны Федоровны и ее сестры Александры Федоровны, которые нянчились с детьми брата. От матери Едемских первые сказки были записаны А. В. Едемским в 1913 году, когда ей было 50 лет. Это были «старинные сказки», которые в то время интересовали Михаила Борисовича. В 1924 году от нее же записано 14 сказок из репертуара «няньки»: «Волк и семеро козлят», «Про козу луплену», «Про лениву девушку» и другие, которые она рассказывала внукам.

В этом же 1924 году были сделаны записи в семье Вячеславовых от Степана Федоровича («Галка») 63 лет, его сестры Ирины Федоровны, племянника Алексея Михайловича 34 лет. В этой родственной группе записано 17 сказок. Прекрасным волшебным репертуаром владеет Степан Федорович, Ирина Федоровна знает только сказки «нянькины» («Дрозд, конопляный хвост», «Глинняшко» и др.). Племянник не унаследовал семейной традиции. От него очень конспективно записаны только две сказки.

Третья семья — Горынцевых? (Горбищевых?) передала собирателю 11 сказок. Глава семьи Борис хорошо знает авантюрные сказки типа «Ловкий вор» (1525), жена Анна Ивановна рассказывает плохо, конспективно пересказывает репертуар мужа (1525 Е). Татьяна — (дочь?) знает только бывальщины.

К сожалению, М. Б. Едемский не довел до конца эту плодотворную работу, архив обрывается 1924 годом.

Эту продуктивную идею продолжит, может быть, до нее дойдя самостоятельно, А. И. Никифоров, собирая в течение трех лет методом безвыборочной записи сказки на Севере (Пинега, Мезень).

Семейным сказочникам М. Б. Едемский противопоставлял сказочника-общественника, который рассказывает сказки «случайным людям». В архиве есть пометка о встрече его со сказочником Малаховым, о котором односельчане отзывались как о большом мастере: «Одну сказку сказывает — пять верст взад и вперед успеешь сходить. Вот башка!..» В его доме собиралась молодежь, «вечерушки» устраивали, рассказывали сказки, особенно те, кто был в городе [14]. К сожалению, этот тип сказочника не вписывался в концепцию собирательской практики М. Б. Едемского.

Таким образом, все его наблюдения сводятся к одному: сказка уходит из активного бытования. Молодежь ориентируется на другой тип культуры. И если сказка бытует, то только в детской аудитории, как «нянькина» сказка.

По-прежнему ищет М. Б. Едемский ответ на вопрос о причинах угасания сказочных традиций. «Интерес к сказке в народной среде заметно пошел на убыль, — подводит он грустный итог своей собирательской деятельности. — Молодежь стремится в город, городской костюм начинает теснить деревен-

ский, на смену хороводу приходит кадриль, вечеркам, беседам — кинематограф, футбол, комячейка» [15]. Едемский совершенно справедливо ставит изменение фольклорного сознания в прямую зависимость от социальных процессов. Но чувствуется, что он не принимает изменения роли фольклора в контексте современной культуры.

На этом можно было бы окончить описание сказочной коллекции М. Б. Едемского. Но есть в его архиве несколько загадочных моментов, на которые я не могу дать ответа. В архиве Едемского записи сказок обрываются в 1924 году. Записывал ли он сказки в последующие годы? Напомню, что он умер в 1933 году. В отчетах «Сказочной комиссии» он называет еще 55 номеров сказок, указывает их нумерацию по системе Аарне-Андреева, называет информаторов, от которых сказки записаны. Это 12 сказок от Анастасии Степановны Шатровой. Называет 27 номеров сказок, присланных ему корреспондентами-учителями А. М. Басовой и М. И. Романовым, 15 номеров, записанных им самим в Архангельской губернии. Но в архивах этих сказок нет.

В «Перечне главнейших научных трудов М. Б. Едемского» [16], подготовленных им самим в 1933 году (в год смерти), указаны как сданные в печать в 1929 году сборники: «Кулойские сказки и сказочники», «Сказки в городе», «Сказки-басенки. Сборник народных сказок для детей». Этих сборников в архивах также нет. Но на этом загадки не кончаются. В том же «Перечне главнейших научных трудов» есть приписка: «Переписано для печати более 500 страниц вологодских сказок... На руках имеются обширные материалы по русской народной сказке...» [17].

Судьбу перечисленных Едемским сказочных сборников установить не удалось. В том, что они были, вряд ли стоит сомневаться: Едемский, по свидетельству всех, знавших его (академик С. Ф. Ольденбург, А. А. Шахматов, Д. К. Зеленин и др.), характеризуется как честнейший, страстно любивший свое дело практический и научный работник. Вряд ли он стал бы заниматься приписками, тем более, что по итогам Кулойской экспедиции есть достаточно подробный отчет; детским фольклором и сказками он интересовался, изучая фольклорный репертуар семьи. Сказки, бытовавшие в городе, он приписывал, по-видимому, «сказочникам-общественникам», на репертуар которых влияла книга.

Вторая загадка связана со сборником вологодских сказок «в пятьсот страниц». Дело в том, что об этом сборнике, как уже готовом к печати, С. Ф. Ольденбург писал еще в 1916 году, хотя в то время на руках у Едемского было около сотни сказок, из которых только половина была переписана. Уверенность в существовании «готового к печати» сборника под названием «Сказки на Севере» со вступительной статьей «Сказка в обряде» подтвердил в некрологе на смерть М. Б. Едемского Н. Е. Ончуков, а позднее в учебник по фольклору эту информацию внес Ю. Н. Соколов [18]. Так в науку вошла версия о готовом сборнике. И хотя его никто не видел, сомнений не было, что он есть. Едемский собирал сказки около 20 лет, постоянно отчитывался о своей работе. По архивным и печатным источникам (до 1927 г.), у него на руках было около трехсот сказок (по моим подсчетам — 282). И тем не менее готового к печати сборника не было. Привожу документ, который убеждает

в этом. В 1925 году М. Б. Едемский, по-видимому, решил издать сборник вологодских сказок. Вступительная статья, вероятно, обговаривалась в «Сказочной комиссии». Но вряд ли это была статья теоретическая. Для Едемского «обряд» — вся крестьянская жизнь. Смысл статьи мог сводиться к выявлению функции сказки в крестьянском быту. В архиве много наблюдений именно на эту тему, без каких-либо теоретических рассуждений в духе В. Я. Проппа или А. Н. Никифорова, его коллег по работе в «Сказочной комиссии».

11 декабря 1925 года М. Б. Едемский обращается к С. Ф. Ольденбургу, председателю «Сказочной комиссии», с письмом, которое рассеивает все сомнения по поводу существования сборника. Привожу его полностью.

«Глубокоуважаемый Сергей Федорович! В 1916 году мною передана была Вам лично, как председателю «Сказочной комиссии», в присутствии покойного академика А. А. Шахматова, в кабинете непременного секретаря Академии наук, тетрадь приготовленных к печати, в первом выпуске предполагавшегося сборника вологодских сказок, записанных мною, сказок Мина Шебунина, кр. д. Маркушевской Тотемского уезда; в тетради около 80 стр. 1/2. В настоящее время (т. е. в 1925 г. — *M. B.*), стремясь собрать и привести в порядок мои записи народных сказок, я обращаюсь к Вам с усерднейшей просьбой: не найдете ли Вы возможным принять меры к отысканию названной тетради, заключающей весьма ценные сказки, присоединение которых к моему собранию, имеющемуся у меня на руках, является крайне желательным.

Искренне уважающий и преданный Вам М. Едемский». [19].

Рукопись к Едемскому не попала. На первой странице неизвестно кем написано: «Передать С. Ф. Ольденбургу». Даты нет. Вторая приписка карандашом сделана 29. 11. 1929 года (!), спустя 13 лет после ее передачи адресату. Ольденбург наложил резолюцию: «Напечатать или дать в обзоре». Но ни то, ни другое сделано не было.

А теперь сопоставим даты. В 1916 году о рукописи говорили как о готовой. Но Едемский готовил к печати только «первый выпуск» (12 сказок). 1925 год — снова возникает идея издания сборника. Письмо Ольденбургу. Нет ответа. Нет рукописи. 1929 год — рукопись обнаружилась, но нашла ли она Едемского, сказать трудно. В «Перечне» трудов, в разделе «Сданы в печать» она не значится.

Много лет изучая архив Едемского, я поняла его логику, принципы его работы. Попытаемся перенести это на конкретный материал и составить за М. Б. Едемского и вместе с ним этот сборник — «Сказки на Севере» — сто лучших сказок из его коллекции.

1 часть. «Старинные» сказки лучших сказочников Севера.

1. Сказки М. Д. Третьякова (12).
2. Сказки Мина Шебунина (12).
3. Сказки В. Г. Овсянникова (19).
4. Сказки Платона Кузьминского (5).
5. Сказки Двойнишниковой (4).

II часть. «Семейные сказки русского Севера»

1. Сказки семьи Едемских (22).
2. Сказки семьи Вячеславовых (13).
3. Сказки семьи Горбищевых (11).

На основании изучения сказочной коллекции М. Б. Едемского можно сделать несколько выводов о характере бытования сказки на Севере в 1905-1927 годах. Некоторая изолированность края явилась одним из условий «консервации» волшебной сказки, которая, судя по записям, составляла в этом регионе 70-75 процентов всего сказочного репертуара, хотя в какой-то мере преобладание «волшебного» репертуара объясняется и пристрастиями собирателя.

Перечень популярных сюжетов также подтверждает хорошую сохранность волшебной сказки: № 300 — «Бой на Калиновом мосту», № 301 — «Три царства», № 302 — «Кашеева смерть», № 313 — «Отдай то, чего дома не знаешь», № 315 — «Звериное молоко», № 325 — «Хитрая наука», № 327 — «Дети у Бабы Яги», № 555 — «Коток — золотой лобок», № 567 — «Сивко-Бурко», № 541 — «Одноглазка, двухглазка, трехглазка», № 560 — «Волшебное кольцо», № 706 — «Безручка», № 707 — «Чудесные дети», № 875 — «Мудрая жена», № 955 — «Жених-разбойник», № 1360 — «Гость Терентий», № 1380 — «Никола Дупленский», № 1528 — «Сокол под шляпой», № 1535 — «Дорогая кожа», № 1538 — «Мужик мстит барину».

Во времена Едемского в Кокшеньге сказка пользовалась популярностью в двух аудиториях: в семье и на «вечеринках». Тем не менее, несмотря на перечисленные выше благоприятные условия, способствовавшие сохранности традиций, сказка была обречена на угасание и забвение. К этому выводу приходил и сам Едемский, виня в разрушении «обряда» крестьянской жизни цивилизацию и тягу молодежи к «городскому костюму, кинематографу», т. е. к новым формам культуры. К такому выводу приходим и мы, изучив репертуар взрослых групп и качество записанных от них сказок. Возраст рассказчиков с хорошим репертуаром — 65-90 лет. В репертуаре старого рассказчика — 5-10 сказок. Рассказчики среднего возраста (30-40 лет) знают 2-3 сказки. Как правило, все они переданы конспективно. Репертуар молодежи однообразен, и в художественном отношении эти сказки несовершенны. Таким образом, исчезает механизм воспроизведения традиции.

Правомерность выводов ученого-краеведа подтвердили экспедиции филологического факультета Вологодского пединститута «по следам М. Б. Едемского», организованные в 60-х — 80-х годах. Мы встретили людей, помнивших Едемского, гордившихся своим земляком, записали рассказы-воспоминания о нем от учительницы Спасской восьмилетней школы Тарногского района Т. А. Соколовой. В 60-х годах мы сделали повторные записи многих жанров, но сказок было мало, и в основном бытова «семейная сказка», т. е. сказка для детей, «нянькина». Из интересных сказочников встретился только один, 60-летний А. Едемский, репертуар которого состоял из сюжетов с ярко выраженной тенденцией «современивания» сказки, желанием привязать ее к какой-либо житейской ситуации. Пользуясь терминологией М. Б. Едемского, это был тип «сказочника-общественника». В 80-е годы записать сказки уже не удалось. Молодые бабушки на просьбу расска-

зать сказку предлагали прочитать сказку из какого-либо сборника или пересказывали книжные варианты. М. Б. Едемский очень верно определил тенденции развития сказочного жанра.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Архив ЦГАЛИ. Ф. 573. Оп. 1. Ед. хр. 23.
2. Семнадцать сказок Тотемского уезда // Живая старина. СПб., 1912. Вып. II-IV. С. 221-258.
3. Архив РГО. Ф. 1-1858. Р. 7. Оп. 4. № 105. 74 лист (12 сказок). Из этого собрания опубликованы две сказки: «Про царя Вещцора» и «Крылья» // Сказки, песни, частушки Вологодского края. Северо-Западное книжное издательство, 1965. С. 241-244.
4. Архив ЦГАЛИ. Ф. 573. Оп. 1. Ед. хр. 93; Архив ГЛМ. Ф. 4385. Оп. 3888. Ед. хр. 2/а.
5. Архив ГЛМ. Ф. 4385. Инв. № 4.
6. Архив ГЛМ. Ф. 4385/9. Инв. № 5.
7. Архив ГЛМ. Ф. 4385/16. Инв. № 1.
8. Архив ГЛМ. Ф. 4385/13. Инв. № 1.
9. Архив ГЛМ. Ф. 4385/13. Инв. № 7.
10. Журнал министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. XIV. 1916, август. С. 34.
11. Под ред. А. М. Смирнова по решению «Сказочной комиссии» был издан «Сборник Великорусских сказок архива Русского географического общества» (Пг., 1917. Т. I-II), поступивший в архив и не вошедший в собрание А. Н. Афанасьева. Третий том, в который, помимо сказок, должны были войти комментарии, над «Предметным указателем» которых работал М. Б. Едемский, не был издан.
12. Архив ГЛМ. Ф. 4385. Оп. 3888. № 5, 8, 15, 25.
13. Едемский М. Б. О собрании русских народных сказок // Сказочная комиссия в 1924-1925 гг. Л., 1926. С. 43.
14. Архив ГЛМ. Ф. 4385. Оп. 3888. Ед. хр. 17.
15. Этнографические наблюдения в Пинежском крае // Север. 1923. № 3-4. С. 197-214.
16. Архив ЦГАЛИ. Ф. 573. Оп. 1. Ед. хр. 2.
17. Там же. Ед. хр. 3.
18. Ончиков Н. Е. М. Б. Едемский. Некролог // Советская этнография. 1934. № 1-2. С. 233. Соколов Ю. М. Русский фольклор. М., 1941. С. 300.
19. Архив АН СССР (Ленинградское отделение). Фонд С. Ф. Ольденбурга. № 208. Оп. 2. Ед. хр. 119. Лист 7 (1928).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства.

ГЛМ — Государственный литературный музей.

РГО — Русское географическое общество.